

Лозовский В. М.

В обсуждаемой работе рассматривается одна из важнейших проблем изучения каменного века Восточной Европы, а именно вопрос о неолитизации этой обширной территории. В статье рассматриваются комплексы с ранне-неолитической керамикой, происходящие с различных территорий — Нижнего Подонья, Днепро-Двинского междуречья и Верхнего Поднепровья, Верхнего Поволжья и Валдайской возвышенности, Нижнего (северный Прикаспийский регион) и Среднего Поволжья, Буго-Днестровского междуречья и Среднего Поднепровья. Это наиболее изученные по данной проблематике регионы Европейской части России и Украины. Несомненным достоинством работы следует признать, что при анализе комплексов древнейшей керамики используется не только традиционный типологический подход, но важное место уделено приемам лепки сосудов, т. е. технологическому анализу и геохимическому анализу сырья, из которого изготавливалась первая посуда. В результате подобного комплексного исследования авторы реконструируют определенные модели ранне-неолитического керамического производства.

На основании датирования этих моделей обширными сериями радиоуглеродных дат реконструируются древнейшие («первичные») центры керамического производства — буго-днестровская культура в междуречье Днестра и Буга, стоянка Ракушечный Яр в Нижнем Подонье, стоянки каиршако-тентексорской и джангаро-варфоломеевской групп в Нижнее Поволжье, а также елшанская культура в Среднем Поволжье. Хронологически существование «первичных» центров, по мнению авторов, укладывается в промежуток с конца VIII до начала второй четверти VII тыс. до н. э. Памятники с керамическими традициями первичных центров на территории Верхнего Поволжья, Среднего и Верхнего Подонья и сопредельных территорий авторы относят ко второй половине VII тыс. — началу VI тыс. до н. э. По их мнению, это «время развития местных региональных традиций».

По существу, предложенная модель находится в русле общей тенденции исследования процесса неолитизации, когда сам процесс описывается как волнообразное взрывное распространение навыков керамического производства и новых моделей хозяйствования с первоначальным центром импульса в Передней Азии (Белановская, Тимофеев 2003; Долуханов 2003; Тимофеев и др 2004; Davison et al 2009). И здесь перед нами возникает одна проблема, которую авторы в рецензируемой работе упоминают только в самом начале работы. Проблема эта сводится к одному вопросу: что же такое неолит? Какой смысл мы вкладываем в это понятие и в чем состоит процесс неолитизации — в распространении полного неолитического «пакета» с производящим хозяйством, керамикой, новыми социальными отношениями, или только в распространении технологии изготовления посуды из глины?

Термин «неолит» был введен в 1863 г. Леббоком, выделившим в качестве определяющих для него признаков появление шлифованных каменных орудий и производства керамики. Особый акцент на экономические признаки неолита как определяющие обязан своим распространением работам Г. Чайлда, который, вводя термин «неолитическая революция» для обществ Ближнего Востока и Передней Азии, подчеркивал огромное прогрессивное значение перехода от

эпохи присвоения готовых продуктов природы к эпохе, когда началось воспроизводство продуктов потребления (Чайлд 1949). Отчетливая характеристика такого двойственного понимания среди археологов термина «неолит» и связанные с этим проблемы были рассмотрены в работах Л. П. Хлобыстина. Им были предложены термины «агронеолит» и «агонеолит» для разделения обществ со сложившимся производящим хозяйством и обществ, где широко распространяются керамика и неолитическая техника обработки орудий труда из камня при сохранившемся присваивающем типе экономике (Хлобыстин 1972, 1978: 94). В 1996 г. в очередном томе «Археологии СССР», посвященном неолитическим памятникам северной Евразии, во вводной главе «Понятие о неолите» С. В. Ошибкина подводит черту всей дискуссии и пишет, что для этой территории «показателем для определения памятников эпохи неолита осталась только керамическая посуда, появление которой принято считать началом неолита» (Ошибкина 1996: 6). Такое понимание термина «неолит» свойственно для большинства исследователей, обращающихся к проблеме перехода от мезолита к неолиту в европейской части России. Предметом исследования становится проблема появления древнейшей керамики и те изменения в материальной культуре, которые можно проследить в каменном и костяном инвентаре.

На обширных пространствах Восточной Европы выделен целый ряд ранне-неолитических культур. Так, на территории Молдавии и юга Украины определены буго-днестровская и сурская культуры, а в Поднепровье и Надпорожье — днепро-донецкая культура (Даниленко 1969; Телегин 1978: 46–9). В Белоруссии в Восточном Полесье отмечен вариант днепро-донецкой культуры, а в бассейне Немана и в Западном Полесье — неманская культура (Чернявский 1978: 42–45). На территории Восточной Прибалтики выделены нарвская и неманская культуры (Гурина 1967; Римантене 1978: 31–33; Лозе 1988; Timofeev 1987). На территории Среднего Поволжья выделены елшанская и средневолжская культуры (Мамонов 2000; Выборнов 2008), в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии памятники каиршако-тентексорской и джангаро-варфоломеевской групп (Выборнов 2008), в Волго-Окском междуречье — верхневолжская культура (Крайнов и др. 1973), в верховьях Волги — ранний этап валдайской культуры (Гурина 1973: 167; 1975: 84–93). Наиболее отчетливо проблема появления первой керамики как некоего маркирующего фактора для выделения неолита на территории Восточной Европы была озвучена В. И. Тимофеевым, отметившим, что «первая керамика появляется здесь как бы в “готовом” виде, ранне-неолитические сосуды характеризуются сложившимися стилистическими особенностями» (Тимофеев 1997: 14).

Именно такого подхода в понимании термина «неолит» придерживаются авторы обсуждаемого исследования. Используемый ими термин «керамическая революция» достаточно адекватно описывает сложившуюся ситуацию. При этом исследователи упоминают находки костей одомашненных животных в нижних слоях стоянки Ракушечный Яр и на памятниках буго-днестровской культуры. По всей видимости, это единственные достоверные свидетельства производящего хозяйства, которые на данный момент существуют для рассматриваемой территории. Присутствие костей якобы одомашненных животных в ранне-неолитических слоях стоянки Каменная Могила было убедительно опровергнуто специальным исследованием Д. Л. Гаскевича (Гаскевич 2012).

Таким образом, о смене экономической модели с началом эпохи неолита на территории европейской части России и Украины говорить не приходится, за исключением случая с буго-днестровской культурой, для которой всеми исследователями отмечается определенный балканский импульс (Котова 2002).

Отдельный вопрос, который, к сожалению, не получил должного освещения в данной работе, связан с комплексами каменного инвентаря, сопровождающего ранненеолитическую посуду. Только для стоянок раннего этапа ранне-неолитических памятников Нижнего Поволжья (Кугат IV, Кугалайси, Ту-Бузгу-Худук I) авторы отмечают продолжение мезолитических традиций в кремневом инвентаре этих комплексов по данным А. А. Выборнова (Выборнов 2008). Хотя при рассмотрении процесса неолитизации вопрос об изменениях в каменном инвентаре является одним из ключевых.

Исследователями неоднократно отмечалось формирование ранне-неолитических культур Восточной Европы на местной мезолитической основе (Римантене 1973; Исаенко 1983; Крайнов, Хотинский 1977). При этом подчеркивалось сохранение мезолитических традиций в изготовлении орудий труда из камня на ранне-неолитических памятниках. Так, Л. Л. Зализняк считает, что кремневый инвентарь древнейших неолитических памятников Полесья, бассейна Немана и Восточной Польши свидетельствует об их сложении на основе мезолитической яниславицкой культурной общности. Яниславицкие черты прослеживаются им в кремневой индустрии днепро-донецкой и неманской культур бассейнов Припяти, Немана и Западного Буга до середины неолита включительно (Зализняк 1991: 41). Вместе с тем, исследователь говорит, что во всех ранне-неолитических комплексах Полесского Поднепровья содержатся в незначительном количестве орудия кукурекской культуры, ареал которой находится значительно южнее. В итоге Л. Л. Зализняк делает вывод, что появление древнейшей керамики в Полесском Поднепровье связано с инфильтрацией кукурекского населения с южных территорий; однако подосновой, на которой произошло становление неолита, является автохтонное мезолитическое население яниславицкой общности (Зализняк 1991: 44). О мезолитической подоснове неманской ранне-неолитической культуры писали Р. К. Римантене, В. Ф. Исаенко, отмечая, что кремневая индустрия ранне-неолитических памятников неманской культуры сформировалась на базе мезолитической неманской культуры (Римантене 1973; Исаенко 1983). Характеризуя ранне-неолитические комплексы нарвской культуры, Н. Н. Гурина писала, что изучение инвентаря, сопутствующего керамике, позволяет усмотреть тесную связь его с мезолитическими материалами. В кремневом инвентаре это выражается в малом количестве орудий из кремня, низком его качестве и наличии кварцевых орудий (Гурина 1967: 175). В итоге автор приходит к выводу о генетической связи культуры поселений с керамикой нарвского типа с предшествующими мезолитическими памятниками (Гурина 1967: 176). Р. К. Римантене также пишет, что нарвская культура в раннем неолите является сугубо местной — продолжением кундской культуры (Римантене, Кункас 1984: 34). Аналогичное явление отмечает И. А. Лозе на поселении Звидзе (Лозе 1988: 106). В целом явление преемственности ранне-неолитических индустрий с поздне-мезолитическими характерно для широких пространств Балтийского региона (Тимофеев 1995: 71–75). Для верховьев Волги Н. Н. Гурина отметила несомненное сходство ряда категорий и типов

мезолитических и раннеолитических орудий, более того, она считала, что для обоих хронологических периодов существует генетическая преемственность индустрии. В целом же, по ее мнению, «неолит Валдайского Приозерья является автохтонным, генетически связанным с местным мезолитом, возникшим в результате внутреннего развития общества, имевшего многовековые традиции. Проявлением же инновации в раннем неолите, привнесенной извне, можно считать лишь керамику» (Гурина 1989: 67). Новые материалы, полученные в результате работ Г. В. Сенициной, подтверждают эту точку зрения (Сеницина, Зайцева, Левковская 1991: 10–12).

Рассматривая генезис елшанской раннеолитической культуры юга Волго-Уральской лесостепи, Е. А. Мамонов также пишет о том, что облик сопутствующего керамике кремневого инвентаря имеет мезолитический характер (Мамонов 2000: 51). Сохранение мезолитических традиций в кремневом инвентаре раннеолитических комплексов отмечается и для Нижнего Поволжья (Выборнов 2008). Для региона Верхнего Поволжья в редких случаях удается проследить преемственность в каменном инвентаре между местной мезолитической традицией и раннеолитическими комплексами. Такая связь прослеживается по материалам стоянки Озерки 5, где раннеолитический каменный инвентарь несет все черты бутовской мезолитической культуры (Жилин 1994). Иная культурная традиция прослеживается в позднемезолитических и раннеолитических материалах стоянки Замостье 2 (Lozovski 1996; Лозовский 2003). Резюмируя все сказанное, мы можем отметить, что в основном древнейшая керамическая посуда сопровождается каменным инвентарем, который присущ местным мезолитическим культурам. Свидетельств о кардинальной смене облика и технологии каменного инвентаря при появлении керамики у нас нет. Тем не менее, дальнейшие исследования по детальному технологическому и типологическому анализу коллекций каменного инвентаря раннеолитических комплексов представляются исключительно важными.

Следующий вопрос, возникающий при рассмотрении раннеолитических и мезолитических комплексов — это механизм появления керамики и причины этого явления. Практически все исследователи отмечают, что процесс распространения керамики совпадает с климатическими изменениями, имевшими место в период 6600–6000 лет кал. до н. э. на территории Европы (Спиридонова, Алешинская 1999). «В этот период, — говорится в обсуждаемой работе, — происходит сильное ухудшение климатических условий в сторону похолодания и сухого климата. Кульминация этого события наступила 6250–6080 лет кал. до н. э.». Южные регионы имели тогда более аридный климат, чем в современности. И в этом, скорее всего, кроется причина быстрого распространения населения с навыками изготовления керамической посуды на огромной территории лесной зоны Восточной Европы. Споры в большей степени ведутся о том, как протекал этот процесс. Одни исследователи связывают появление ранней керамики с приходом нового населения (например, появление ранней керамики днепро-донецкой культуры в Поднепровье и Полесье — с приходом носителей кукрекской культуры) (Даниленко 1969; Телегин 1982: 234; Зализняк 1991: 47). Другие авторы считают, что процесс распространения древнейшего керамического производства в лесной зоне носил характер диффузии. Эту мысль высказывал Л. П. Хлобыстин (1982), В. И. Тимофеев (1994: 19, 1995;

1998) обосновывал диффузионный характер распространения первой керамики в разных частях Балтийского региона. Суммируя материалы изучения ранне-неолитических комплексов лесной зоны Восточной Европы, В. И. Тимофеев выделил два центра распространения древнейшей керамики — Поднепровье, откуда керамика распространилась далее на север, и бассейн р. Дон, откуда процесс распространения керамики также шел в северном и западном направлениях (Тимофеев 1997: 19–20, 2000: 82). О распространении древнейшей керамики из одного центра на территории валдайской и верхневолжской культур писала Г. В. Сеницына (Сеницына, Зайцева, Левковская 1991: 11). В. В. Сидоров считает, что подобное распространение керамики могло происходить посредством брачных связей (Сидоров 1994: 11, 1995: 73, 1998: 71). По мнению авторов рецензируемой работы, распространение керамических традиций могло проходить вдоль основных водных магистралей Восточной Европы, идущих в меридиональном направлении, при этом реки, текущие в широтном направлении, служили естественными барьерами. Авторы также дают оригинальное объяснение феномена быстрого распространения практически однотипной керамики на огромных пространствах. По их мнению, в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией так называемой престижной или сакральной технологии, которая требовала точности копирования технологии изготовления, выбора сырья, орнаментации, форм сосудов. В этом случае изготовление глиняной посуды являлось «транскультурным явлением» и практически не воздействовало на местную материальную культуру. Принимая эту точку зрения, мы неожиданно находим простое и логически приемлемое объяснение факту широкого распространения керамики в течении VII тыс. до н. э. на огромной территории Восточной Европы, которое не сопровождалось коренной ломкой экономики и материальной культуры местных мезолитических сообществ.

Литература

- Белановская Т. Д., Тимофеев В. И. 2003. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Тимофеев В. И. (ред.). Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.: АкадемПринт, 14–21.
- Выборнов А. А. 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та.
- Гаскевич Д. Л. 2012. Поселение Какменная Могила I и начало неолитизации Северного Причерноморья: гипотезы, аргументы, факты // SP 2, 45–51.
- Гурина Н. Н. 1967. Из истории древних племен западных областей СССР. Л.: Наука (МИА 144).
- Гурина Н. Н. 1973. Неолитические племена валдайской возвышенности // МИА 172, 159–172.
- Гурина Н. Н. 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Кожин П. М., Кольцов Л. В., Зимица М. П. (ред.). Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 84–93.
- Гурина Н. Н. 1989. Мезолит верховьев р. Волга // Кольцов Л. В. (ред.). Мезолит СССР. М.: Наука.
- Даниленко В. Н. 1969. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев: Наукова думка.

- Долуханов П. М. 2003 Неолитизация Европы: хронология и модели // Тимофеев В. И. (ред.). Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.: АкадемПринт, 193–204.
- Жилин М. Г. 1994 Археологические исследования на Озерецом торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС 1, 47–52.
- Зализняк Л. Л. 1991. Население Полесья в мезолите. Киев: Наукова думка.
- Исаенко В. Ф. 1983. О Полесском неолите // Крижевская Л. Я. (ред.). Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 64–73.
- Котова Н. С. 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. Н. 1973. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР 5, 80–84.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1977. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА 3, 42–68.
- Лозе И. А. 1988. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний Неолит. Рига: Зинатне.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Тимофеев В. И. (ред.). Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.: АкадемПринт, 219–238.
- Мамонов Е. А. 2000. Хронологический аспект изучения Елшанской культуры // Тимофеев В. И. (ред.). Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти Н. Н.Гуриной. СПб.: ИИМК РАН, 50–52.
- Ошибкина С. В. 1996. Понятие о неолите // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит северной Евразии. Археология. М.: Наука, 6–9.
- Римантене Р. К. 1973. Неолит Литвы и Калининградской области // МИА 172, 218–225.
- Римантене Р. К. 1978. Хронология неолита Литвы // КСИА 153, 31–34.
- Римантене Р. К., Кунскас Р. 1984. Швянтойи — комплекс неолитических поселений на приморской лагуне Балтийского побережья Литовской ССР // Величко А. А., Кольцов Л. В., Хотинский Н. А. (ред.). Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 30–40.
- Сидоров В. В. 1994. Тысячи лет культурной преемственности // ТАС 1, 11–13.
- Сидоров В. В. 1995. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // РА 1, 71–80.
- Сидоров В. В. 1998. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // ТАС 3, 64–73.
- Синицина Г. В., Зайцева Г. И., Левковская Г. М. 1991. Проблемы позднего мезолита — раннего неолита Верхней Волги // Массон В. М. (ред.). Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 1991 г. СПб.: ИИМК РАН, 10–12.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА 1, 23–33.
- Телегин Д. Я. 1978. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА 153, 46–48.
- Телегин Д. Я. 1982. Мезолітичні пам'ятки України. Киев: Наукова Думка.
- Тимофеев В. И. 1994. О специфике взаимодействия культур мезолита-неолита в Балтийском регионе // Массон В. М. (ред.). Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб.: ИИМК РАН, 18–20.

- Тимофеев В. И. 1998. Некоторые вопросы взаимодействия культур мезолита — начала неолита в Балтийском регионе // ТАС 3, 80–85.
- Тимофеев В. И. 1995. Проблемы генезиса ранненеолитических культур в Балтийском регионе // ПАВ 3, 71–76.
- Тимофеев В. И. 1997. К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы // Кирпичников А. Н., Рябинина Е. А., Сакса А. И. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 14–20.
- Тимофеев В. И. 2000. Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // Тимофеев В. И. (ред.). Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов междунар. конф., посвященной памяти Н. Н. Гуриной. СПб.: ИИМК РАН, 81–82.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теса.
- Хлобыстин Л. П. 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Решетов А. М. (ред.). Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 26–42.
- Хлобыстин Л. П. 1978. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА 153, 93–99.
- Хлобыстин Л. П. 1982. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Крайнего Севера Евразии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Чайлд Г. 1949. Прогресс и археология. М.: Гос. изд. иностр. лит.
- Чернявский М. М. 1978. Хронологические рамки неолита Северо-Западной Белоруссии // КСИА 153, 42–46.
- Davison K., Dolukhanov P. M., Sarson G. R., Shukurov A., Zaitseva G. I. 2009. Multiple sources of the European Neolithic: Mathematical modelling constrained by radiocarbon dates // Dolukhanov P. M., Sarson G. R., Shukurov A. M. (eds.). The East European Plain on the Eve of Agriculture. Oxford: Archaeopress, 197–211 (BAR IS 1964).
- Lozovski V. 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Edition CEDARC.
- Timofeev V. I. 1987. On the problem of the Early Neolithic in the East Baltic area // Acta Archaeologica. 58, 207–212.

Ошибкина С. В.

Тема рассматриваемой работы весьма актуальна, поскольку касается проблемы первоначального формирования неолитических культур на территории Восточной Европы. Основанием для исследования послужили вновь открытые и ранее известные памятники неолита с четко выраженной стратиграфией и массовым материалом, в основном фрагментированной керамической посудой, датированной представительными сериями радиоуглеродных дат.

Проблема определения начального периода неолита имеет длинную предысторию, к ней обращались многие ученые, известны теоретические и практические подходы к обоснованию начала эпохи неолита в связи с появлением важнейших новаций, отделяющих неолит от ранних периодов каменного века.